Проблемное сознание и системность русских философов Серебряного века: новые результаты исследований философской мысли России в Китае[1]

Чжоу Лайшунь (周来顺)

Хэйлунцзянский университет (Харбин, Китай)

E-mail: xiangsiersheng@yandex.com

Аннотация. Философия Серебряного века влияет не только на Россию, но и на весь мир. Китайские ученые уделяют внимание философии Серебряного века с 1930-х годов и исследуют ее примерно 100 лет. Подтверждая уникальную ценность философии Серебряного века, в последних исследованиях китайские ученые провели углубленные исследования проблемного сознания, теоретических характеристик, построения системы, критики современности и многих других тем философии Серебряного века. В исследованиях отмечается, что хотя теоретические рамки, основанные на философии Серебряного века, и закончились неудачей в процессе перехода от теории к практике, акцент на уникальном значении и духовной ценности человека, переосмысление и реконструкция модели современности по-прежнему имеют важную теоретическую ценность и практическое значение.

Ключевые слова: рациональность, современность, эсхатология, утопия, философия Серебряного века.

Для цитирования: *Чжоу Лайшунь Ю.* (2025). Проблемное сознание и системность русских философов Серебряного века: новые результаты исследований философской мысли России в Китае // Patria. Т. 2. № 2. С. 72–83.

doi: 10.17323/patria.2025.26794

Problem Consciousness and System Construction: New Progress in the Study of Russian Silver Age Philosophy in China

Zhou Laishun (周来顺)

Heilongjiang University (Harbin, China)

E-mail: xiangsiersheng@yandex.com

Abstract. Silver Age philosophy influences not only Russia but also the whole world. Chinese scholars have been paying attention to Silver Age philosophy since the 1930s and have been researching Silver Age philosophy for about 100 years. Affirming the unique value of Silver Age philosophy, in recent studies, Chinese scholars have conducted in-depth research on problem consciousness, theoretical characteristics, system construction, critique of modernity and many other topics of Silver Age philosophy. The studies point out that the theoretical framework was based on Silver Age philosophy, although it ended in failure in the process of transition from theory to practice, but the emphasis on the unique meaning and spiritual value of human beings, the rethinking and reconstruction of the model of modernity still have important theoretical value and practical significance.

Keywords: rationality, modernity, eschatology, utopia, Silver Age philosophy.

For citation: Zhou Laishun (2025) “Problem Consciousness and System Construction: New Progress in the Study of Russian Silver Age Philosophy in China”, *Patria*, vol. 2, no. 2, pp. 72–83.

doi: 10.17323/patria.2025.26794

Философию Серебряного века часто называют «золотым веком» в истории русской философии. Она состоит из целой плеяды философов и мыслителей (Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Семен Франк, Лев Шестов и другие), оказавших уникальной теоретической ценностью своего наследия и возвышенным чувством миссии важное влияние на историю мировой философии. Китайские академические круги уделяют философии Серебряного века внимание еще с 1930-х годов. Уже в 1936 и 1937 годах были переведены произведения «Христианство и классовая борьба» и «Новое средневековье» Н. Бердяева. Но начиная с 1980-х годов (и особенно с начала XXI века) это внимание усиливается.

Во-первых, именно в этой области сосредоточилось внимание самых разных поколений, представленных Цзя Цзелинем (贾泽林), Ань Цинянем (安启念), Чжан Байчунем (张百春), Сюй Фэнлинем (徐凤林), Ма Иньмао (马寅卯) и другими (贾泽林等著, 2008; 安启念, 2003; 张百春, 2011; 徐凤林, 2006, 2007; 马寅卯, 2022; 陈树林, 2010; 车玉玲, 2012; 周来顺, 2014, 2016), причем исследования Серебряного века перестали быть посвящены исключительно конкретным и частным примерам, но приобрели систематический и общий характер. Во-вторых, многие труды русских философов Серебряного века были переведены на китайский язык: некоторые из них переиздавались много раз, а некоторые имеют и несколько переводов. В-третьих, по русской философии в Серебряном веке ежегодно публикуются научные монографии и статьи, защищаются диссертации, а исследования в этой области были расширены от философии и религиоведения до эстетики, литературы, политологии, юриспруденции и других — самых разных — областей. В-четвертых, научные конференции (с участием как китайских философов, так и их российских коллег) по русской философии приобрели регулярный характер, и философия Серебряного века так или иначе неизменно оказывается на этих мероприятиях в центре внимания.

В этой статье мы стремимся представить основные итоги внимания китайского академического сообщества к исследованиям русской философии Серебряного века, достигнутые за последнюю четверть века, и особенно с 2010 года.

1. Проблемное сознание мыслителей Серебряного века

В русской философии можно выделить сильную ориентацию на практику, своеобразную заботу о практической стороне реальности и своего рода протест против «знания ради знания» и «исследования ради исследования». Вместо этого зачастую подчеркивается необходимость связи знания с реальностью, с практическими аспектами мировоззрения. В этом смысле русская философия имеет проблемное сознание, то есть остро ориентирована на связь теории и жизни, на практическую направленность результатов философских размышлений — и в этом, с точки зрения ки-

тайского академического сообщества, ярко проявляется специфика русской философии вообще и философской мысли Серебряного века в частности. Фактически значительная часть обсуждаемых в первой половине XX века тем связана с вопросами о том, куда движется Россия и какова ее имеющаяся или должная идейная ориентация, а также с проблемой модернизации. Именно на эту проблематику во многом ориентировано рассмотрение таких вопросов, как свобода, творчество, прогресс, рационализм.

Гегель сказал, что философия — это эпоха, схваченная в мысли: философское творчество невозможно полностью отделить от его времени и культуры, в рамках которой оно развивается. Со второй половины XIX века Россия сталкивалась с очень острыми социальными противоречиями, внутренними и внешними неурядицами. Именно сложное социальное положение России некогда обусловило резкую точку зрения Энгельса на глубокий характер российского кризиса:

> …нет другой такой страны, в которой при всей первобытной дикости буржуазного общества был бы так развит капиталистический паразитизм, как именно в России, где вся страна, вся народная масса придавлена и опутана его сетями. И все эти кровопийцы, сосущие крестьян, все они нисколько не заинтересованы в существовании русского государства, законы и суды которого охраняют их ловкие и прибыльные делишки! (Маркс, Энгельс, 1961: 540).

Именно по этой причине Энгельс полагал, что «Россия, несомненно, находится накануне революции». И важно, что перед лицом эпохального кризиса философы Серебряного века не полагались исключительно на конфессиональную рамку или идеи и концепты мыслителей прошлого, а стояли на высоте своего времени, размышляли и писали с точки зрения всей европейской и мировой культуры.

Перед лицом глубокого кризиса и катастроф, с которыми столкнулось российское общество, мыслители эпохи Серебряного века осознавали и сознательно брали на себя историческую миссию, пытаясь найти выход из проблем модернизации на путях обсуждения, разворачивающегося в самых различных направлениях: Восток и Запад, традиция и современность, свобода и авторитаризм. В этих поисках особенно подчеркивалась роль православия: значительная часть философов этой эпохи осознавала православие как духовный корень России, а также как тот очаг, в котором она раз за разом возрождалась в смутные времена. Это делало вопрос о социальных переменах не только проблемой политического или практического порядка, но и духовным и религиозным явлением: отсюда и многочисленные призывы к тому, что возрождение России должно начаться с обращения к глубинам духа, под которым понималось не только обращение к религиозной традиции, но и органичная интеграция этой традиции с многочисленными имеющимися и развивающимися культурными ресурсами.

Исследуя пути выхода России из кризиса, философы Серебряного века трезво осознавали, что такого рода теоретические исследования не должны просто дескриптивно описывать традицию или современность, Восток или Запад, разум или веру. Они понимали, что этот выход не может быть

простым выбором какого-либо варианта — западничества, славянофильства или народничества, — а должен быть найден на основе органического объединения и творческого развития восточных и западных культурных ресурсов. Они подчеркивали, что у России — уникальная миссия, поэтому путь к ее модернизации также уникален: «Россия есть Великий Востоко-Запад, она есть целый огромный мир, и в русском народе заключены великие силы. Русский народ есть народ будущего. Он разрешит вопросы, которые Запад уже не в силах разрешить, которые он даже не ставит во всей их глубине» (Бердяев, 2004: 76).

Важно и то, что в целом философы Серебряного века осознавали, что как одержимость старыми национальными идеалами и удовлетворенность произвольным восхвалением «природных свойств» России, так и страсть к идеализации Запада и увлеченность односторонним западным рационализмом крайне опасны. Они верили, что пробуждение подлинного национального самосознания заключается не в очаровании естественными силами тени и хаоса в нации[2], а в стремлении к всеобъемлющей и творческой культуре, а также к будущему и совершенно новой России. Вдохновляясь такой высокой теоретической миссией, философы Серебряного века посвятили свою жизнь попыткам исследовать уникальный путь модернизации для своей страны.

2. Критика современности в философии Серебряного века

Китайские ученые в своих последних исследованиях часто отмечают, что философия Серебряного века содержит глубокий анализ современности и критическое осмысление западной философии и культуры. Представители философской мысли Серебряного века считали, что основанием глубочайшего кризиса, с которым столкнулось западное общество и его модель модерна, был именно культурный и религиозный кризис. Его причина и суть заключались в чрезмерном распространении рационалистического духа. Оно, по мысли русских философов, привело к упадку западного общества и распространению нигилизма. Как следствие, мыслители Серебряного века, отталкиваясь от уникальных для русской культуры теоретических и культурных установок, приступили к мультитематической критике западной модели современности, в основе которой лежит рационализм.

Во-первых, это была критика основ цивилизации. В своих размышлениях о западной модели современности философы Серебряного века прямо указывали на скрытую основу западной цивилизации. По их мнению, важнейшей основой общества являются мифы, символы и установки, доминирование которых может определять тип общества и образ его функционирования: общество может существовать на органических, механических или же духовных основаниях. И современная западная цивилизация оказывается, с их точки зрения, сообществом, характеризующимся механичностью и атомарностью. Это общество подчеркивает принципы механики, целостности, взаимозаменяемости и универсальности и лишено таких аспектов, как святость, трансцендентность, дух. Например, по

мнению Франка, подлинная социальная жизнь по сути является разновидностью духовной жизни, имеющей природу внешнего объективного существования. Истинная основа общества должна разворачиваться не на материальном, или механическом, уровне, а на уровне духовной общности, иначе судьба человеческого общества будет трагичной. Эта духовная общность должна быть целостным единством материального и идеального, земного и священного (Франк, 1992: 64–79).

Во-вторых, это была критика субъекта цивилизации. В своих размышлениях о западной модели современности философы Серебряного века особое внимание уделяли критике буржуазии. По их мнению, современная западная цивилизация является капиталистической, ее главным субъектом оказывается буржуазия, а доминирующей логикой — логика капитала. Это общество функционирует на основе механизмов господства собственности, денег, статуса, общественного мнения и государства, которое в общем и целом также подчиняется этой логике, разрушающей подлинные основания жизни и создающей царство иллюзий, лишенное независимой субъектности. Как отмечал Н. А. Бердяев в работе «О рабстве и свободе человека», это «мифотворческое гипостазирование часто бывает ложным, иллюзорным и закрепляющим рабство человека» (Бердяев, 1995: 30).

В-третьих, это критика технической рациональности. Подобно Хайдеггеру, Адорно, Хабермасу и другим мыслителям XX века, русские философы первой половины прошлого столетия также видели огромные изменения, привнесенные развитием и прогрессом науки и техники в жизнь людей, указывая на то, что «невероятная мощь техники революционизировала всю человеческую жизнь» (Бердяев, 1951: 39). С одной стороны, прогресс науки и техники все больше освобождает людей от природы. С другой стороны, именно техническая рациональность становится доминирующей силой и, меняя жизнь людей, приводит ко все большему отчуждению: «С одной стороны техника обозначала материализацию и механизацию человеческой жизни, ослабление духовности. Но с другой стороны, техника имеет и совершенно другое значение, она есть дематериализация и развоплощение, и она раскрывает возможности большего освобождения духа» (Бердяев, 1993: 198). Одностороннее развитие технической рациональности представляет собой фундаментальную опасность объективации человеческой природы и существования, его отчуждения и превращения в предмет исключительно утилитарной оценки, что не может не привести к разрушению человека и краху целостного образа его существования.

Немалое внимание философы Серебряного века также уделяли критике концепции прогресса как важной части западной модели современности: именно культурный дух рационализма и прогрессивизм оказывался, с их точки зрения, основой западного модерна и его ценностным ядром. Однако это — при дальнейшем одностороннем развитии — приведет к окончательному разрушению культурных устоев, крайнему нигилизму и глубокому кризису — эпохе «шквала демонов». Отказываясь от своей подлинной природы, человек, несмотря на кажущееся возвеличивание,

оказывается внутри диалектики гуманизма, взрывающей его изнутри: вступая на путь исключительного самоутверждения, человек неизбежно приходит к собственному разложению, отрицанию и истреблению (Бердяев, 2004: 150). Культура и цивилизация, основанные на этой тенденции, не могут и не смогут избавиться от этой диалектики трагической исторической судьбы и самоистребления.

3. Системность русской философии Серебряного века

В последние годы многие работы китайских ученых были нацелены на исследование своего рода системности русской философии Серебряного века. Под этой системностью понимается то обстоятельство, что мыслители этого периода ориентировались не только на построение новых философских и богословских концепций, характеризующихся целостностью, внутренним единством и связностью различных частей, но и — через критику современных им практик — на практическую сторону жизни, стремясь найти реальный выход (как для России, так и для человечества) из всеобъемлющих кризисных явлений. Теоретическое творчество русских мыслителей Серебряного века имеет множество очевидных индивидуальных различий и особенностей, но в нем, на наш взгляд, вполне можно выделить общие конституирующие, системные элементы — принципиальное подчеркивание уникальной и духовной ценности человека, внимание к человеческой природе христианского Бога, эсхатологии, утопической природе человеческих сообществ. Эту тенденцию к системности можно, с нашей точки зрения, назвать своего рода теологической утопией, в силу того что ее реализация, с одной стороны, основана на религиозности (особенно на православии), а с другой — имеет ярко выраженную ориентацию на идеализацию и проективную составляющую, устремленность в будущее. Подобного рода теологическая утопическая окраска свойственна, впрочем, не только русской философии Серебряного века, но и всей русской культуре этого периода. Как отмечается в исследованиях, этой русской культурно-исторической эпохе свойственно «апокалиптическое воображение… от апокалиптической формы в романе до задачи спасения, в которой искусство, религия и политика объединяются, чтобы сформировать осуществимый план спасения отдельных людей и изобразить утопический план будущего мира» (林精华编译, 2001: 11).

Большинство построений, разработанных философами Серебряного века, обладают следующими характеристиками.

Во-первых, в них утверждаются уникальные смыслы и задачи человеческой природы, духовная ценность человека, его свобода и стремление к созиданию. Если формулировать это в христианской системе координат, в таких построениях постоянно подчеркивается значимость и роль творения, а то, что проявляется в нем, оказывается в первую очередь человеческой инициативой и пространством действия человеческого духа и свободы. Творение не есть нечто жесткое, статичное и закрытое, а есть постоянная трансценденция, освобождение и возрождение, поскольку оно содержит принцип божественности, который состоит в ожидании Богом

соответствующих человеческих действий, ответе человека на этот призыв и человеческом продолжении дела Божьего сотворения мира. Второй важнейший смысл здесь — исключительная экзистенциальная и даже онтологическая ценность понятия свободы: как писал об этом Л. Шестов, «свобода премирна, не сотворена, и свобода есть вместе с тем неограниченная возможность выбора между добром и злом» (Шестов, 1994: 508). Третий — подчеркивание роли духа, придание ему онтологического статуса и выступление против объективированного понимания духа у Гегеля: дух не подчинен никакой внешней природе или необходимости, он есть еще одно (как и материя) объективное существование. Иными словами, мыслители Серебряного века вновь и вновь пытаются пробудить внутреннюю жизнь и субъектность человека, акцентируя его свободу, духовность, способность к созиданию и возможность преодоления трагического отчуждения.

Во-вторых, существенное место в этих построениях занимает эсхатология: как в области русской литературы, искусства, философии, религии и так далее, так и в повседневной жизни простых людей проявляется сильная эсхатологическая окраска. Акцент на эсхатологии был основан не только на русских культурных традициях, но и на своеобразном мироощущении той эпохи. Возможно, именно этот контекст позволял Бердяеву заявлять, что русская мысль по сути своей эсхатологична. Столкнувшись с потрясениями реального мира, кризисом ценностей, философская мысль эпохи стремилась покончить со злом этого мира через эсхатологию и осуществить спасение человека и всего мира. Через русский Серебряный век красной нитью проходит идея, согласно которой только эсхатологическая перспектива может решить проблемы прогресса, страдания и спасения. Именно эсхатология, по мнению о. Сергия Булгакова, «содержит в себе ответ на все земные скорби и вопрошания» (Булгаков, 2011: 212) — и это убеждение, в общем и целом, разделяется эпохой. Именно в этой перспективе раскрывается смысл жизни. Перед лицом кризиса современного общества и мирового зла история не должна продолжаться бесконечно, поскольку бесконечное продолжение истории есть бесконечное зло. При этом эсхатологическая перспектива мыслится зачастую как созидательная рамка, а не нечто негативное: так, по мысли Бердяева, конец света и завершение истории зависят от творческой деятельности человека и, следовательно, представляют собой возможности для положительного творческого акта, в то время как пассивное ожидание конца света означает компромисс с миром отчуждения.

В-третьих, важнейшее место в этих построениях имеет принцип человеческой природы христианского Бога, что позволяло в свою очередь неизменно подчеркивать божественный аспект человеческой природы. В этих богочеловеческих отношениях неизменно подчеркивается двустороннее движение между Богом и человеком, их тесная взаимосвязь: «Основная мысль человека есть мысль о Боге. Основная мысль Бога есть мысль о человеке. Бог есть тема человеческая, человек же есть божественная тема» (Бердяев, 1994: 134). Подлинная и главная истина — истина о человечности Бога и божественных потенциях человеческой природы. Богочеловеческая перспектива позволяла религиозным мыслителям Серебряного

века постоянно подчеркивать уникальность онтологического положения человека, его творческие и духовные возможности.

В-четвертых, в этих построениях неизменно акцентируется значимость религии, веры, религиозности. Сталкиваясь с углубляющимся процессом секуляризации современного общества и признавая уменьшение влияния традиционных религий и их многочисленные проблемы, религиозные мыслители эпохи по-прежнему подчеркивают огромное значение религии в определении диагноза кризиса современности и поиске путей выхода из него. Как замечает современный китайский исследователь, такая позиция была во многом обусловлена «долгосрочным развитием православия в России», что «сделало его органично интегрированным с общим мировоззрением, взглядами на жизнь и ценностями русских» (徐凤林, 2017: 132). При этом русским религиозным мыслителям Серебряного века свойственны в этом аспекте две тенденции. Признавая как проблемы религии в эпоху модерна, так и ее слабость в противостоянии светскому злу в реальной жизни, они зачастую настаивают на необходимости более активного участия религии в социальных практиках и на ее сохраняющемся потенциале в преобразовании общества. Кроме того, они склоны к стиранию границ между христианскими конфессиями, к призывам к поискам органичных союзов в области доктрины, ритуалов и так далее. Точка зрения Вл. Соловьева на то, что объединение христианских конфессий — единственный путь, который может привести к христианизации практической жизни и становлению и развитию подлинной христианской политики, получает в эту эпоху дальнейшее и органичное развитие. Нетрудно, впрочем, заметить, что такого рода «консенсус» достигается посредством определенного рационального и логического абстрагирования от конкретной религиозно-конфессиональной специфики, в результате чего получается нечто, уже не являющееся религией в историко-культурном смысле. В то же время сильнейшей тенденцией эпохи было акцентирование особой миссии России в этом потенциальном объединении, потому что именно православие должно быть его основой и ядром, так как оно сохранило оригинальный и неповторимый стиль поместных православных церквей различных национальностей, удержав при этом единство священного предания (Булгаков, 2011: 113). Следует отметить, что религиозное возрождение, начало и необходимость которого подчеркивается философами Серебряного века, не является «возвращением» в простом смысле, а представляет собой своего рода воссоздание, обновление религиозности, ориентированное на ключевые болевые точки и проблемы культурно-исторической эпохи.

В-пятых, большое значение в этих построениях занимает гуманизм: фундаментальный акцент на его проблемах и перспективах составляет заметную черту религиозно-философской (и не только) мысли Серебряного века. Хотя история России не испытала на себе духа гуманизма так, как это происходило в Западной Европе, начиная со времен Ренессанса, русская культура тяжело переживала его кризис, с которым столкнулось общество XX века. Важной темой в этом отношении становится насущная необходимость переосмысления гуманизма. Европейский гуманизм

подчеркивал человеческую инициативу, утверждал свободу и достоинство человека, ценность культуры и созидания, но, с точки зрения русских религиозных мыслителей эпохи Серебряного века, он — через целый ряд трансформаций — в конце концов пришел к своей радикальной секуляризованной версии, основанной на разрыве с божественным и даже его отрицании. Преодоление этого кризиса должно быть связано с возвращением к его религиозным основам и истокам. Для многих религиозных философов Серебряного века типичный образ, созданный кризисом гуманизма, — сверхчеловек Ницше, который в силу отсутствия веры, вызванной «смертью Бога», фактически — независимо от первоначальных намерений — уходит в сторону нигилизма и дегуманизирующего безумия. Секуляризованный гуманизм, таким образом, содержит в качестве своего основания не только человеческую самонадеянность, но и своеобразную трагическую диалектику, которая ведет этот гуманизм к гибели.

Таковы, с точки зрения консенсуса, сложившегося в соответствующем исследовательском сообществе Китая, специфические черты «проблемного сознания» философии Серебряного века и характеристики сложившихся в эту эпоху философских и богословских построений. В поисках выхода (как для России, так и для человечества) из кризисных явлений русская религиозная мысль эпохи Серебряного века фактически предложила новое понимание современности, отличное от западного и исходящее из того, что ядро современности заключается не только в технической рациональности и высоком уровне материальной культуры, но и в духовной культуре — переосмыслении статуса веры, религиозности и — на этой основе — всех сфер жизни. Такое целостное (при всем многообразии частностей) понимание приводило и к явной или имплицитной интерпретации предыдущей истории русской философии — творческого наследия Герцена, Соловьева, Достоевского и так далее.

Следует признать, однако, что с точки зрения реализации теоретические построения Серебряного века в итоге закончились провалом. Такой провал был, с нашей точки зрения, во многом обусловлен своеобразной разобщенностью религиозно-философских кругов с российской действительностью и реальными потребностями людей, а также своеобразной идеализацией возможностей философской теории влиять на практику в условиях стремительно усугубляющегося кризиса. Как указывали Маркс и Энгельс в критике Гегеля и младогегельянцев в «Святом семействе»,

> теологу ex professo… никак не может прийти в голову, что существует такой мир, который по-прежнему продолжает существовать, когда я упраздняю только его мысленное существование, его существование в качестве категории или точки зрения, другими словами: когда я видоизменяю свое собственное субъективное сознание, не изменяя предметной действительности действительно предметным образом, то есть не изменяя своей собственной предметной действительности и предметной действительности других людей (Маркс, Энгельс, 1955: 210–211).

Однако философская мысль Серебряного века не только была основана на специфических русских культурных традициях, но и стремилась к многосторонней разработке гуманизма, исходящего из духовной ценности личности, необходимости предотвратить разрушение культуры и рас-

пространение нигилизма — и эти ее стремления имеют вечную ценность, которая не исчезла с уходом той эпохи в прошлое, а, наоборот, получила новую жизненную силу и возможность принять новые формы в современный исторический период.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Данная статья представляет результаты исследований, организованных Национальным фондом социальных наук (проект «Исследование актуальных проблем современной российской марксистской философии», 21AZX003), Фондом приглашенных ученых CSC (проект «Русская традиционная философия и современный российский марксизм», 202308230229).

[2] Н. А. Бердяев отмечал, что в русском народе скрывался дух темного вина. Это природно-народное дионисическое опьянение. Оно проявляется в темной, в дурном смысле иррациональной, непросветленной и не поддающейся просветлению стихии. Такая темная стихия отравляет дух русского народа в дурном и невежественном опьянении и соблазняет и отравляет пик с самых корней его жизни. Будущая духовная жизнь России должна преодолеть такую иррациональную стихию (Бердяев, 1918: 50–55).

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. А. (1918). Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова.

Бердяев Н. А. (1951). Царство Духа и Царство Кесаря. P.: YMCA-Press.

Бердяев Н. А. (1993). О назначении человека. М.: Республика.

Бердяев Н. А. (1994). Философия свободного духа. М.: Республика.

Бердяев Н. А. (1995). О рабстве и свободе человека // Бердяев Н. А. Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Республика. С. 4–163.

Бердяев Н. А. (2004). Русская идея. М.: АСТ.

Бердяев Н. А. (2004). Смысл истории. Новое Средневековье. М.: РГБ.

Булгаков С. Н. (2011). Православие. Очерки учения Православной Церкви. СПб.: Изд-во Олега Абышко: Православ. изд-во «Сатисъ».

Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Гос. изд-во полит. лит. С. 3–230.

Франк С. Л. (1992). Духовные основы общества. М.: Республика.

Шестов Л. И. (1994). Николай Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия // Николай Бердяев: pro et contra. Кн. 1 / подгот. А. А. Ермичева. СПб.: РХГИ. С. 505–537.

Энгельс Ф. (1961). О социальном вопросе в России // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 18. М.: Гос. изд-во полит. лит. С. 537–548.

林精华编译 (2001).《西方视野中的白银时代》（下卷）· 北京：东方出版社 。 [*Линь Цзин* (2001). Серебряный век в глазах западных ученых. Т. 2 / сост. и пер. на кит. яз. Линь Цзинхуа. Пекин: Изд-во «Восток»].

贾泽林等著 (2008). 《二十世纪九十年代的俄罗斯哲学》· 北京：商务印书。[*Цзя Цзелинь и др.* (2008). Русская философия в 1990-е годы. Пекин: Коммерч. изд-во].

安启念 (2003).《俄罗斯向何处去》· 北京：中国人民大学出版社。[*Ань Цинянь* (2003). Куда движется Россия. Пекин: Изд-во Китай. ун-та Жэньминь].

张百春 (2011).《风随着意思吹——别尔嘉耶夫宗教哲学研究》· 哈尔滨：黑龙江大学出版社。 [*Чжан Байчунь* (2011). Ветер дует со смыслом: исследование религиозной философии Бердяева. Харбин: Изд-во Хэйлунцзян. ун-та].

徐凤林 (2006).《俄罗斯宗教哲学》· 北京：北京大学出版。 [*Сюй Фэнлинь* (2006). Русская философия религии. Изд-во Пекин. ун-та].

徐凤林 (2007).《索洛维约夫哲学》，北京：商务印书馆。[*Сюй Фэнлинь* (2007). Философия Соловьева. Пекин: Коммерч. изд-во].

徐凤林 (2017). “俄罗斯世界观”与俄国现代化的哲学反思, 世界哲学，年第1期，第131–137页。[*Сюй Фэнлинь* (2017). Философское переосмысление «мировоззрения мира» и российской модернизации // Мировая философия. № 1. С. 131–137].

马寅卯 (2022).《当代俄罗斯哲学的一些面向》，北京：中国社会科学出版社。[*Ма Иньмао* (2022). Некоторые аспекты современной русской философии. Пекин: Изд-во китай. гуманитар. наук].

陈树林 (2010).《俄罗斯命运的哲学反思——索洛维约夫历史哲学及其当代价值研究》，黑龙江大学出版社。[*Чэнь Шулинь* (2010). Философские размышления о судьбе России: историческая философия Соловьева и ее современная ценность. Харбин: Изд-во Хэйлунцзян. ун-та].

车玉玲 (2012).《遭遇虚无与回到崇高——白银时代的俄罗斯哲学》，北京：中国社会科学出版社。[*Че Юйлин* (2012). Встреча с небытием и возвращение к возвышенному: русская философия Серебряного века. Пекин: Изд-во китай. гуманитар. наук].

周来顺 (2014).《使命的沉重与路向的忧思——俄罗斯白银时代哲学研究》，哈尔滨：黑龙江大学出版社。[*Чжоу Лайшунь* (2014). Тяжесть миссии и беспокойство пути — исследование философии в русском Серебряном веке. Харбин: Изд-во Хэйлунцзян. ун-та].

周来顺 (2016).《现代性危机及其精神救赎——别尔嘉耶夫历史哲学思想研究》，北京：人民出版社。[*Чжоу Лайшунь* (2016). Кризис современности и ее духовное спасение — исследование исторической философии и мысли Бердяева. Пекин: Народ. изд-во].

REFERENCES

An Qinian (2003) *Whither Russia*, Beijing: Renmin University of China Press.

Berdyaev N. A. (1918) *The Fate of Russia. Experiments on the Psychology of War and Nationality*, Moscow: G. A. Leman’s and S. I. Sakharov’s Publ.

Berdyaev N. A. (1951) *Realm of the Spirit, and the Kingdom of Caesar*, P.: YMCA-Press.

Berdyaev N. A. (1993) *On the Purpose of Man*, Moscow: Respublika.

Berdyaev N. A. (1994) *The Philosophy of the Free Spirit*, Moscow: Respublika.

Berdyaev N. A. (1995) “Slavery and Freedom”, Berdyaev N. A. *Realm of the Spirit, and the Kingdom of Caesar*, Moscow: Respublika, pp. 4–163.

Berdyaev N. A. (2004) *The Meaning of History. The New Middle Ages*, Moscow: RGB.

Berdyaev N. A. (2004) *The Russian Idea*, Moscow: AST.

Bulgakov S. N. (2011) *Orthodoxy. Sketches of the Doctrine of the Orthodox Church*, Saint-Peterburg: Pravoslavnoe izdatel’stvo “Satis”.

Che Yuling (2012) *Encountering the Void and Returning to the Sublime: Russian Philosophy in the Silver Age*, Beijing: China Social Science Press.

Chen Shulin (2010) *Philosophical Reflection on the Destiny of Russia: A Study of Solovyov’s Philosophy of History and Its Contemporary Value*, Harbin: Heilongjiang University Press.

Engels F. (1961) “On Social Relations in Russia”, Marx K., Engels F. *Works: in 50 vols, vol. 18*, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo politicheskoj literatury, pp. 537–548.

Frank S. L. (1992) *The Spiritual Foundations of Society*, Moscow: Respublika.

Jia Zelin et al. (2008) *Russian Philosophy in the 1990s*, Beijing: Commercial Press.

Lin Jing (2001) *The Silver Age in the Eyes of Western Scholars, vol. 2* (compiled and translated into Chinese by Lin Jinghua), Beijing: East Publishing House.

Ma Yinmao (2022). *Some Orientations of Contemporary Russian Philosophy*, Beijing: China Social Science Press.

Marx K., Engels F. (1955) "The Holy Family, or Critique of Critical Criticism. Against Bruno Bauer, and Company", Marx K., Engels F. *Works: in 50 vols, 2nd ed., vol. 2*, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, pp. 3–230.

Shestov L. I. (1994) "Nikolai Berdyaev. Gnosis and Existential Philosophy", *Nikolay Berdyaev: pro et contra. Book 1* (prepared by A. A. Ermicheva), Saint-Petersburg: RKhGI, pp. 505–537.

Xu Fenglin (2006) *Russian Philosophy of Religion*, Beijing: Beijing University Press.

Xu Fenglin (2007) *Solovyov's Philosophy*, Beijing: Commercial Press.

Xu Fenglin (2017) "Philosophical Rethinking of 'Worldview of the World' and Russian Modernisation", *World Philosophy*, no. 1, pp. 131–137.

Zhang Baichun (2011). *Wind Blows with the Meaning: A Study of Berdyaev's Philosophy of Religion*, Harbin: Heilongjiang University Press.

Zhou Laishun (2014) *The Heaviness of the Mission and the Anxiety of the Way: A Study on the Philosophy of the Silver Age in Russia*, Harbin: Heilongjiang University Press.

Zhou Laishun (2016) *The Crisis of Modernity and Its Spiritual Redemption: A Study of Berdyaev's Thought on History and Philosophy*, Beijing: People's Publishing House.